

УДК 81'37:398.22 (=512.157)
DOI 10.25587/k4197-4798-2737-o

А. Е. Божедонова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

СЕМАНТИКА АХРОМАТИЧЕСКИХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ЭПИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (сопоставительный анализ на материале текстов якутского, алтайского, хакасского эпосов)

Аннотация. В данной статье рассмотрена семантика ахроматических цветообозначений в эпических текстах родственных тюркских народов – якутов, хакасов и алтайцев. Речь идет о цветообозначении, выраженном именем прилагательным. Богатое количество цветообозначений тюркских языков имеется в их эпических текстах, т. к. именно здесь сохранились уклад жизни предков, быт народа, географическая среда, мировосприятие и культура. Актуальность данной статьи заключается в том, что изучение цветообозначения вносит вклад в системный анализ лексики в целом. Исследование семантики лексических единиц было и остается одной из наиболее важных и актуальных проблем семасиологии. Еще большую значимость приобретает сопоставительное изучение соотносительных семантических полей разных языков. Цель статьи – анализ всего объема лексических значений цветообозначений в языке якутских олонхо, и последующее выявление универсальных и идиоэтнических особенностей в системе цветообозначений якутского, хакасского и алтайского эпосов. При выполнении работы использовались следующие методы: метод сплошной выборки, с помощью которого осуществляется подбор примеров для анализа; метод контекстуального анализа, позволяющий изучить функциональную специфику слов и их значений в контексте; описательный метод, при первичном отборе и классификации материала; сравнительно-исторический метод, при установлении якутско-алтайских, якутско-хакасских цветовых параллелей в анализируемых текстах; сопоставительный метод, при установлении якутско-алтайских, якутско-хакасских цветовых параллелей в анализируемых текстах, а также при выявлении лексико-семантических объемов цветовых прилагательных, соотношения универсального и идиоэтнического в фольклорной системе цветообозначений; метод дистрибутивного и контекстуального анализа, дополненных элементами компонентного анализа, предполагающего разложение значения на семантические составляющие. Материалом для исследования выбраны, тексты якутского эпоса «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» П. П. Ядрихинского – Бэджээлэ, хакасского алыптыг-нымах «Ай-Хуучин» П. В. Курбижекова и алтайского героического эпоса «Алтай-Буучай» в вариантах А. Г. Калкина. Выявлены универсальные и идиоэтнические особенности в системе цветообозначений якутского, хакасского и алтайского эпосов.

Ключевые слова: олонхо, хакасский эпос, алтайский эпос, цветообозначение, ахроматические цветообозначения, черный, белый, имена прилагательные, семантика, прямое номинативное значение, переносное значение.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения».

A. E. Bozhedonova

Semantics of achromatic color indications in epic texts (comparative analysis based on the texts of the Yakut, Altai, Khakas epics)

Abstract. This article discusses the semantics of achromatic color designations in the epic texts of related Turkic peoples – Yakuts, Khakass and Altaians. It is a color designation expressed by an adjective. A rich number

БОЖЕДОНОВА Алла Евгеньевна – н. с. сектора «Лингвофольклористика» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

E-mail: bozhedonova2015@mail.ru

BOZHEDONOVA Alla Evgenievna – Researcher of the sector “Folklore Linguistics” of Olonkho Research Institute, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: bozhedonova2015@mail.ru

of color designations of the Turkic languages are found in their epic texts, since it is here that the way of life of the ancestors, the way of life of the people, the geographical environment, world perception and culture were preserved. The relevance of this article lies in the fact that color designations represent a semantic field, the study of which contributes to the systemic analysis of vocabulary in general. The study of the semantics of lexical units has been and remains one of the most important and urgent problems of semasiology. The comparative study of the correlative semantic fields of different languages acquires even greater significance. The purpose of the article is to analyze all the lexical meanings of color designations in the language of the Yakut olonkho, and the subsequent identification of universal idioethnic functions in the color designation system of the Yakut, Khakas and Altai epics. When performing the work, the following methods were used: the method of continuous sampling, with the help of which the selection of examples for analysis is carried out; the method of contextual analysis, which allows you to study the functional specifics of words and their meanings in context; descriptive method, in the initial selection and classification of material; comparative historical methods, when establishing the Yakut-Altai, Yakut-Khakas color parallels in the analyzed texts; the comparative method, when establishing the Yakut-Altai, Yakut-Khakas color parallels in the analyzed texts, as well as when identifying the lexical and semantic volumes of color adjectives, the ratio of the universal and idioethnic in the folkloric system of color designations; a method of distributive and contextual analysis, supplemented by elements of component analysis, implying the decomposition of meaning into semantic components. On the one hand, the texts of the Yakut epic *The woman-warrior Dzhirybyna Dzhirylyatta* by P. P. Yadrinkhinsky – Bedjeele, on the other hand – the Khakas alyptyg-nymakh *Ai-Huuchin* by P. V. Kurbizhekov and the Altai heroic epic *Altai-Buuchai* in the versions of A. G. Culkin. Revealed are the universal and idioethnic features in the color designation system of the Yakut, Khakas and Altai epics.

Keywords: olonkho, Khakas epic, Altai epic, color designation, achromatic color designations, black, white, adjectives, semantics, direct nominative meaning, figurative meaning.

Acknowledgements: This research has been conducted as part of the scientific-research project NEFU “Heroic Epics of the Turkic-Mongolian peoples of Eurasia: Problems and Perspectives of Comparative Study”.

Введение

Цвет и цветообозначение – совершенно разные вещи: цвет мы воспринимаем органами зрения, а цветообозначения представляют собой слова определенного языка, которые служат для обозначения, называния цвета. Глаз любого человека различает очень большое количество различных цветов и оттенков: в норме более тысячи, но, с биологической точки зрения, все люди, независимо от их языка и культуры, пола и возраста, расовой принадлежности, видят цветовой мир примерно одинаково. Между тем ни в одном языке нет тысяч цветообозначений. Мы объединяем большое количество оттенков в единый базовый цвет, например, говорим: лимонный и канареечный – оттенки желтого. Следовательно, цветообозначение – это не название какого-то одного цвета или оттенка, а обозначение целой группы похожих оттенков. Номинации с компонентом цвета можно обнаружить во всех областях и сферах человеческой жизни. Цветообозначения, т. е. названия цветов и оттенков, – одно из хорошо разработанных лингвистикой семантических групп. С помощью цветообозначения можно изучать то, как язык категоризирует окружающий мир. Цветовое поле, видимое человеку, и членение этого цветового поля на отрезки, каждый из которых воспринимается как некое единство, как образ, обозначенный отдельным словом, является прекрасной иллюстрацией к проблеме восприятия человеком действительного мира и категоризации воспринимаемого мира при помощи конкретного языка [1, 144]. Сопоставительное изучение семантики цветообозначений показывает проявления диалектики общего и особенного, что в прикладном плане означает наличие сходных, универсальных лексико-семантических вариантов при различной сочетаемости цветообозначений. Различия при совпадении лексико-семантических вариантов зависят от особенностей мировидения разных народов. Богатое количество цветообозначений тюркских языков имеется в их эпических текстах, т. к. именно здесь сохранились уклад жизни предков, быт народа, географическая среда, мировосприятие и культура. Ахроматические цвета являются универсальными, они встречаются практически во всех культурах. В якутском олонхо белый и черный цвета имеют большую значимость. Белому цвету отводится сакральная роль. Он олицетворяет собой счастье и благополучие, чистоту и благородство, честность и добро, почет и высокое положение в обществе [2, с. 158]. Например, цветообозначение «белый» в описании неба используется в качестве составных сложных эпитетов этого объекта. По данным П. А. Слепцова, эпическое небо в

олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» наделяется 130 эпитетами, причем это не только однословные, а составные, включающие до 17 слов, среди которых непременно встречаются лексемы *урун халлаан*, *манган халлаан* 'белое небо'. Благодаря такому показу небо становится одним из ключевых эпических объектов [3, с. 208].

Наиболее значимыми в этой области филологического знания являются исследования И. А. Оссовецкого [4], А. П. Хроленко [5], Т. А. Павлюченковой [6], Т. Е. Никулиной [7]. Цветообозначения в якутском фольклоре рассматривали Л. Л. Габышева [8], А. К. Башарина [9].

Актуальность данной статьи заключается в том, что цветообозначения представляют собой семантическое поле, изучение которого вносит вклад в системный анализ лексики в целом. Исследование семантики лексических единиц было и остается одной из наиболее важных и актуальных проблем семасиологии. Еще большую значимость приобретает сопоставительное изучение соотносительных семантических полей разных языков, выявляющее ту «эквивалентность при различии», которая представляет собой «основную проблему языка и основной предмет лингвистики, так как без этого невозможно ни описание языков, ни их сравнение, ни составление словарей и двуязычных грамматик» [10, с. 35].

Цель статьи – анализ всего объема лексических значений ахроматических цветообозначений в языке якутского олонхо, и последующее выявление универсальных и идиоэтнических особенностей в системе цветообозначений якутского, хакасского и алтайского эпосов.

При выполнении работы использовались следующие методы: метод сплошной выборки, с помощью которого осуществляется подбор примеров для анализа; метод контекстуального анализа, позволяющий изучить функциональную специфику слов и их значений в контексте; описательный метод при первичном отборе и классификации материала; сравнительно-исторический метод при установлении якутско-алтайских, якутско-хакасских цветовых параллелей в анализируемых текстах; сопоставительный метод при установлении якутско-алтайских, якутско-хакасских цветовых параллелей в анализируемых текстах, а также при выявлении лексико-семантических объемов цветовых прилагательных, соотношения универсального и идиоэтнического в фольклорной системе цветообозначений; метод дистрибутивного и контекстуального анализа, дополненных элементами компонентного анализа, предполагающего разложение значения на семантические составляющие.

Стоит упомянуть исследования И. В. Пухова. Ученый конкретизировал период формирования олонхо как жанра, восходящего ко времени древних тюрков. Он указал, что основные поэтические образы отражают патриархально-родовые отношения, выявив архаичные формы героического эпоса через характерные для него язык, стиль и образные признаки. В частности, И. В. Пухов писал: «Олонхо – эпос древнего происхождения. Указать точное время его возникновения пока не представляется возможным. Очевидно лишь то, что истоки олонхо восходят тому периоду, когда якуты жили на южной своей родине, в соседстве с другими тюрко-монгольскими народами. Южное происхождение олонхо не вызывало особых сомнений в научной литературе» [11, с. 22]. У него вышло несколько работ, в которых приводится сравнительный анализ якутского олонхо и героического эпоса тюрко-монгольских народов. Среди них «Якутское олонхо и эпос алтайцев», «Якутское олонхо и калмыцкий “Джангар”», «Гэсэр и олонхо», «Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия» и т. д. Вслед за фундаментальным трудом И. В. Пухова, посвященным якутскому олонхо, большинство исследователей стали относить олонхо к жанру героического эпоса и склоняться к его научной позиции.

Материалом для исследования выбраны тексты якутского эпоса «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» («Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр») П. П. Ядрихинского – Бэджээлэ, хакасского алыптыг-нымаха «Ай-Хуучин» П. В. Курбиджекова и алтайского героического эпоса «Алтай-Буучай» в вариантах А. Г. Калкина. Выбор пал на эти произведения, т. к. академические издания этих текстов снабжены хорошим справочным аппаратом, имеют подстрочный русский перевод и относительно одинаковы по объему.

Семантика цветообозначения 'белый' – як. *манан*, *урун*; алт. *ак*, *хак*. *ак*

Цветообозначения, использованные в эпических текстах якутов, алтайцев и хакасов, носят этнопсихологический характер и этноопределяющий код. В данных текстах ахроматические

цветообозначения являются наиболее употребляемыми прилагательными, которые носили сакральное значение в прошлом, и сохранившими доминирующую роль в настоящее время. Из них в первую очередь следует выделить цветообозначение 'белый' – *як. манан, үрүҥ; алт. ак, хак, ак*.

В якутском языке цветообозначение «белый» обозначается двумя прилагательными: *үрүҥ* и *манан*. Первый вариант обозначения белого цвета *үрүҥ* является одним из древних тюркских слов со значением «светлый» [12, с. 627]. В якутском олонхо «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» цветообозначение *манан* 'белый' использовано 123 раза, а *үрүҥ* 'белый' – 59 раз. В алтайском эпосе «Алтай-Буучай» (вариант А. Г. Калкина) цветообозначение *ак* 'белый' использовано 23 раза, а в хакасском эпосе «Ай-Хуучин» – 187.

Использованные цветообозначения «белый» в эпических текстах имеют сложную семантическую структуру, т. к. их лексико-семантический вариант зависит от семантики сочетающихся с ними существительных. Как отмечает И. А. Оссовецкий, особенностью языка фольклора является диффузность семантики функционирующих в нем лексических единиц, нередко осложненная «фольклорной символикой и реликтовыми ритуальными представлениями» [4, с. 29]. Фольклорному слову «присуща семантическая неодноплановость, многозначность на уровне синтагматики» [5, с. 54], за счет которой создается насыщенность и выразительность изображаемого. При анализе слова в фольклорных текстах следует учитывать особенности лексической коннотации, а именно то, что вообще свойственно слову и за пределами народного творчества, а также «ассоциативный тезаурус», обусловленный всей системой фольклорного мира и его языка» [13, с. 91]. Таким образом, у цветообозначений *манан* и *үрүҥ* можно выделить следующие типы значений: прямое номинативное, переносное, оценочное, символическое и фразеологически связанное. Одновременная реализация нескольких значений у интересующих нас лексем объясняется семантической диффузностью фольклорного слова, т. е. специфическим свойством одновременно отражать в своей семантике номинацию и оценку, реальное и символическое, историю, культуру и быт народа. Вследствие этого частыми оказываются случаи значительного контекстного расширения значения прилагательных цветообозначений.

В олонхо «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» цветообозначение *манан* 'белый' определяют 24 имени существительных, а цветообозначение *үрүҥ* 'белый' – 20. В текстах алтайского эпоса «Алтай-Буучай» цветообозначение *ак* 'белый' встречается 11 раз в сочетании с именем существительным, а в текстах хакасского «Ай-Хуучин» – 19. Для анализа их можно сгруппировать на следующие типы:

1. «Цветообозначение + существительные, называющие предметы». В данную группу включены сочетания с прямыми и переносными значениями. Сочетания с прямыми номинативными значениями: *як. манан, үрүҥ* 'белый': *манан чүмэчи* 'белая свеча', *үрүҥ ньүөрсүн былыт* 'белое влажное облако', *үрүҥ хоруонка* 'белый бисер', *үрүҥ былыт* 'белое облако'; *алт. ак* 'белый': *ак токум* 'белый потник', *ак көкин* 'белое облако', *ак күлдүрдан* 'белая мука', *ак байканды* 'белая палатка'; *хак. ах* 'белый': *ах тиректин* 'белый тополь', *ах хыр* 'белая седина', *ах өлөнүн* 'белоковыльная степь', *ах көмүк* 'белая пена', *ах морчолыг* 'белый цветок', *ах тумбан* 'белый туман', *ах чип* 'белая нитка', *ах хуус* 'белый панцирь', *ах торгы* 'белый шатер', *ах чарыхтын* 'белый свет', *ах тас хомды* 'белокаменный гроб', *ах хараам* 'белоглазый', *ах хыроо* 'белесый иней', *ах хар* 'белый снег'.

Большинство сочетаний реализуют переносное значение:

- переносное значение «лучший»: *як. манан* 'белый': *манан тусаһа* 'белый двор', *манан сэргэ* 'белая коновязь', *манан күүлэ* 'белые сени', *манан остуол* 'белый стол', *манан тэлгэхэ* 'белый двор', *үрүҥ сөлөөгөй* 'белая молочная пища', *үрүҥ туой* 'белая глина', *манан байбарыын* 'белый столб-коновязь'; *хак. ах* 'белый': *ах пайзан* 'белый дворец', *ах пайзан* 'белое жилище', *ах ибге* 'белая юрта';

- переносное значение «священный»: *як. манан, үрүҥ* 'белый': *үрүҥ күл* 'белый пепел', *үрүҥ суол* 'белая дорога', *үрүҥ тыын* 'белый дух', *үрүҥ буруо* 'белый дым', *үрүҥ соло* 'белый досуг'; *алт. ак* 'белый': *ак мылтык* 'белый лук-самострел', *ак үлдүмди* 'белая сабля';

- переносное значение «волшебный»: *алт. ак* 'белый': *ак мырчактан* 'белая горошина'; *хак. ах* 'белый': *ах отты* 'белая трава', *ах сүт көлгө* 'беломолочное озеро';

- переносное значение «чистый»: як. *манан*, *үрүг* 'белый': *манан толоон* 'белая долина', *манан кырдал* 'белый бугор', *манан алаас* 'белая поляна', *манан сыһыы* 'белая равнина', *үрүг кун* 'белое солнце'; алт. *ак* 'белый': *ак тайганын* 'белая тайга', *ак ла* 'белые лбы'; хак. *ах* 'белый': *ах алтында* 'белое небо'.

2. «Цветообозначение + существительные, называющие животных»: як. *манан* 'белый': *манан ат* 'белая лошадь', *манан кыталык* 'белый журавль'; *үрүг* 'белый': *үрүг сүүрүк* 'белый скакун', *үрүг-хара түүлээх* 'белая-черная пушнина', *үрүг чыычаах* 'белая птичка', *үрүг тул-лук* 'белый снегирь'; алт. *ак* 'белый': *ак малын* 'белый скот'; хак. *ах* 'белый': *хулагы Хуу-Пуурни* 'белесый волк', *ах хус* 'белая птица'.

3. «Цветообозначение + существительные, называющие людей, их внешность»: як. *манан* 'белый': *манан баттах* 'белые волосы', *манан ньуур* 'белый лик', *субай манан уолат-тар* 'юноши бледнолицые', *манан кыргыттар* 'девушки бледнолицые', *манан сырай* 'белый лик'; як. *үрүг* 'белый': *Үрүг Аар Тойон* 'Юрюнг Аар Тойон', *Үрүг Арылы Хотун* 'Юрюнг Арылы Хотун', *Үрүг Уолантаайы* 'Юрюнг Уолантаайы'.

В первой группе «цветообозначение + существительные, называющие предметы» включено 51 словосочетание, из них сочетания с прямыми номинативными значениями – 22 (в олонхо – 4, в алтайском эпосе – 4, в хакасском эпосе – 14). Большинство сочетаний реализуют переносное значение – 29. Стоит отметить, что в данной подгруппе на первый план выдвигается нецветовое контекстуальное значение. В подгруппе «переносное значение “лучший”» включено 11 словосочетаний, из олонхо – 8, из хакасского эпоса – 3. В данных примерах цветообозначение «белый» употребляется в переносном смысле и показывает, что речь идет о лучших парадных домах, коновязи, столах и т. д. В тексте олонхо можно заметить, что речь идет не о белой по цвету коновязи, а о лучшей:

*Тусаһаларын иһигэр киһирэн,
Тура түһэн баран
Тула баттаан көрдөххө –
Бастыг киһи кэлэн
Атын баайдын дизэннэр
Матаар ойуу баттаһыннаах,
Бабыгырыы олорор
Бар өксөкү
Барыллыа кыллаах
Бастыг байбарыын манан сэргэни
Байбааччы анньыбыттар эбит* [14, с. 67].

Шагами лёгкими пройдя,
От места не отходя
Постоять-поглядеть –
Чтоб большой человек
С дороги устав,
Лошадь свою привязал,
С узором-матаар продавленным,
С клёкочущим двуглавым
Чучелом бар кыыл-ёксёкю
Белый столб-коновязь богатый
Поставили, оказывается [14, с. 68].

Аналогичное употребление наблюдается и в хакасском эпосе «Ай-Хуучин». Жилище богатыря-хана, богатырки-ханши – всегда белый дворец (*ах пайзан*):

*Хучахтаныт, Ай Хуучын
Ах пайзаң ибге кірген...* [15, с. 310].

На руки ее подхватив, Ай Хуучин
[Вместе с нею] в белый дворец вошла
[15, с. 311].

В алтайском эпосе «Алтай-Буучай» употребление цветообозначения «белый» в переносном смысле «лучший» не наблюдается.

В подгруппе употребления цветообозначения «белый» в переносном значении «священный» вошли 8 словосочетаний, в т. ч. из олонхо – 6, из алтайского эпоса – 2, в хакасском эпосе не наблюдается. Данные словосочетания с помощью цветообозначения «белый» приобретают священное значение. Например, в олонхо:

*Эргэтээҕи үрүҥ суолгун солоһон,
Туһааннаах дьолбутун
Дуулаҕа кыыс оҕото
Тосхойон кулу! – диэн,
Аналлаах айыыһыппытын
Ааттаах кыыс оҕото
Анаан аҕал! – диэн
Үс дьүһүлгэн кулуккэр
Үгэн-сүгүрүйэн эрэбин [14, с. 98].*

Былую дорожку белую расчистив,
Счастье нам предназначенное –
Девочку крепкую
Подай-преподнеси! – говоря,
Предначертанную нам Айыысыт
Девочку замечательную
Дай-подари! – говоря,
Пред тремя теньями твоими
Голову склоняю-молю [14, с. 99].

В данном примере речь идет об обращении к высшим силам. Слово *суол* ‘дорога’ с цветообозначением «белый» приобретает ритуальный характер. В алтайском эпосе богатырь Алтай-Буучай с уважением обращается к своему оружию, предполагается, что для богатыря лук-самострел, сабля являются священными орудиями. Например:

*Мен јадала, уйуктазам,
Курдагымды курчанганча
Уйуктайын, тийбе – деди,
Саадагымды тангынганча
Амырайын, тийбе – деди,
Ак мылтыгым чупчыбагар,
Јуктенгенче болзын – деди.
Ак үлдүмди суурбагар,
Тангынганча болзын – деди... [16, с. 122].*

Если я лягу, засну –
Пояс не сниму,
(Так) усну – не трогайте,
Колчан пусть будет на мне,
Я отдохну – не касайтесь,
Белый лук-самострел не снимайте,
Пусть висит на мне... [16, с. 123].

В подгруппе «переносное значение “волшебный”» включено 3 словосочетания, 1 из алтайского эпоса: *ак мырчактан* ‘белая горошина’; и 2 из хакасского эпоса: *ах отты* ‘белая трава’, *ах сүт көлге* ‘беломолочное озеро’. Все словосочетания, включенные в данную подгруппу, имеют волшебную характеристику, т. е. эти предметы и места имеют волшебную силу. В рассмотренном якутском олонхо волшебные предметы не даны со цветообозначением «белый».

В следующей подгруппе «переносное значение “чистый”» включено 4 словосочетания из олонхо, 2 из алтайского эпоса и 1 из хакасского эпоса. Стоит отметить, что в данных эпических текстах цветообозначение «белый» широко используются при описании наиболее почитаемых, обожествляемых объектов мироздания: неба, солнца, луны, поля, тайги и т. д. В данных примерах у цветообозначения «белый» реализуется символическое значение «чистый». Можно предположить, что в примерах неба, солнца, луны реализуется переносное значение «священный, чистый».

Во второй группе «цветообозначение + существительные, называющие животных» включено 9 словосочетаний, 6 из олонхо, 2 из хакасского эпоса и 1 из алтайского эпоса. Во всех эпосах цветообозначение «белый» употребляется с названиями тотемных животных данных народов. При сохранении своего основного значения «светлый» цветообозначение «белый» приобретает здесь дополнительные смыслы, обусловленные устойчивой, давно осознанной символикой белого цвета, т. к. описываются священные животные и птицы.

В последней группе «цветообозначение + существительные, называющие людей, их внешность» включены словосочетания из олонхо: *манган баттах* ‘белые волосы’, *манган ньуур* ‘белое лицо’, *субай манган уолаттар* ‘бледноликие юноши’, *манган кыргыттар* ‘бледноликие девушки’, *манган сырай* ‘белое лицо’; як. *үрүҥ* ‘белый’: *Үрүҥ Аар Тойон* ‘Юрюнг Аар Тойон’, *Үрүҥ Арылы Хотун* ‘Юрюнг Арылы Хотун’, *Үрүҥ Уолантаайы* ‘Юрюнг Уолантаайы’. В данных примерах у прилагательного *манган* реализуется символическое значение «священный, божественный», т. к. в представлении древних якутов жители Верхнего мира, добрые божества были воплощением абсолютного верха, святости и чистоты во главе с Үрүҥ Аар Тойон – Белым Верховным Господином, в состав имени которого также входит цветообозначение *үрүҥ* ‘белый’.

Следует отметить, что в рассмотренных эпических текстах на первый план выдвигаются нецветовые контекстуальные значения «священный, божественный, светлый», «чистый», «лучший», «волшебный, сказочный», связанные с использованием цветообозначения «белый» для передачи идеальности – эпической страны. Стоит отметить, что в данных эпических текстах цветообозначение «белый» выступает не только изобразительным прилагательным, но и в оценочной функции. Данное цветообозначение во всех эпических текстах сопровождается положительной коннотацией. Из идиоэтнических особенностей можно отметить следующее: в олонхо отсутствует волшебный предмет с цветообозначением «белый», а в алтайском и хакасском эпосах не наблюдаются существительные, называющие людей, их внешность с цветообозначением «белый».

Семантика цветообозначения ‘черный’ – як. *хара*, алт. *кара*, хак. *хара*

И так, рассмотрим семантику цветообозначения «черный» в эпических текстах якутов, алтайцев и хакасов. В якутском языке черный цвет представлен цветообозначением *хара*, в алтайском языке – *кара*, в хакасском – *хара*. В якутском олонхо «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» цветообозначение *хара* ‘черный’ использовано 97 раз, в алтайском эпосе «Алтай-Буучай» (вариант А. Г. Калкина) цветообозначение *кара* ‘черный’ встречается 38 раз, а в хакасском эпосе «Ай-Хуучин» – 127.

Стоит отметить, что в рассмотренных эпических текстах цветообозначение «черный» выступает как антипод белого в бинарной оппозиции «белое-черное». Если с белым цветом связано позитивное начало (доброе, светлое, чистое, священное, сакральное), то с черным в основном негативное (злое, темное, жестокое). В олонхо «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» цветообозначение *хара* ‘черный’ определяют 22 имени существительных, в текстах алтайского эпоса «Алтай-Буучай» цветообозначение *кара* ‘черный’ встречается 16 раз в сочетании с именем существительным, а в текстах хакасского «Ай-Хуучин» цветообозначение *хара* ‘черный’ – 11. Цветообозначение «черный» характеризуется сравнительно широким кругом определяемых существительных, принадлежащих к различным тематическим группам:

1. «Цветообозначение + существительные, называющие предметы (в широком смысле слова)». Рассмотрим примеры с прямыми номинативными значениями: в олонхо, як. *хара* ‘черный’: *хара симиин түүлээх* ‘с чёрной шерстью густой’, *ньыгыл хара тааһынан* ‘из чёрного камня крепкого’, *хара көмөрө* ‘угли черные’, *хара түлэхэ буруолара* ‘чёрный дым жертвенный’, *хара дьайба* былыт ‘словно серое облако мрачное’, *хара хоруонка хадьааһыннаах* ‘бисером чёрным обшитую’, *хара өһөх хаан* ‘сгустками крови черной’, *хара хаппар күлүүс* ‘чёрный замок железный’, *хара лаһыр уорабай* ‘низкие постройки чёрные’, *хара лээгэй бэргэнэ* ‘черная шапка’; в алтайском эпосе, алт. *кара* ‘черный’: *кара јибек* ‘черная волосая’, *чой-кара сопогын* ‘чугунные черные сапоги’, *кара кеҕеҕе* ‘черная косичка’, *кара саалду* ‘черные усы’, *кара кара көһи* ‘черные глаза’, *кара тоозын* ‘черная пыль’, *кара көжөө* ‘черный занавес’; в хакасском эпосе, хак. *хара* ‘черный’: *хара чирде* ‘черная земля’, *хара сарыттыг* ‘черный валежник’, *хара сүүнө* ‘черный сюне’, *хара тас* ‘черный камень’, *хара намыт* ‘черная туча’, *хара тас ибге* ‘черный каменный дом’.

1) Прямое номинативное значение «темный»: в олонхо, як. *хара* ‘черный’: *хара аартык* ‘узкий темный проход’, *Ньүкэн хара удуустарын* ‘страна тёмная’, *эргэнэ хара тыалара* ‘леса в тёмном бору’, *хара кункүс дьабын аартыгынан* ‘в чёрный проход смердящий’, *хара кункүс сыттаах* ‘темный, смрадный’, *хара тыын* ‘темные души’, *хара буор* ‘земля черная’, *хара байзал* ‘черное море’, *хара далай* ‘черные воды’, *хара кункүс бэйэлээх халлаан* ‘чёрные смрадные, неба пути колдовские’; в алтайском эпосе, алт. *кара* ‘черный’: *кара тайгадын* ‘черная тайга’, *кара тайгады* ‘черная гора’, *кара јолын* ‘черная дорога’, *кара јыдазын* ‘черный пик’, *кара көлдө* ‘черное озеро’; в хакасском эпосе, хак. *хара* ‘черный’: *хара сугларын* ‘черные реки’, *хара айналар* ‘черная айна’, *хара чирге* ‘черный пот’;

2) переносное значение «зловещий»: в олонхо, як. *хара* ‘черный’: *хара дьай халаатаабыт* ‘зло чёрное поселилось’, в хакасском эпосе: *хара сагысыг* ‘черный умысел’;

3) переносное значение «кровавый»: в олонхо, як. *хара* ‘черный’: *хааннаах хара бурут* ‘кровавым ядовитым канатом-верёвкой скользким’; в алтайском эпосе, алт. *кара* ‘черный’: *кара јыдазы* ‘черное копье’;

4) переносное значение «грязный»: *хара тынгырах* 'грязные ногти', *дэгиэ хара тиһэ килэнни* 'острые зубы черные выставляя'.

2. «Цветообозначение + существительные, называющие животных и птиц»: в олонхо, як. *хара* 'черный': *хара саһыл* 'лиса-чернобурка', *хара сүөһү* 'скот бурый', *үрүн-хара түүлээх* 'с белой-чёрной шерстью', *халыымнаах хара тиһинэр* 'шкурки беличьи китовые', *хара маҕаас оҕус* 'шкурой пегих быков', *хара суор* 'черный ворон', *хара наанабай ынахтар* 'черных коров низеньких', *хара улар* 'черный глухарь'; в алтайском эпосе, алт. *кара* 'черный': *кара бажым* 'черный ворон', *камдулардын каразын* 'выдр самых черных', *камдулардын караларын* 'черных из выдр', *кара ийттү* 'черный пес', *кара муркут* 'черный беркут'; в хакасском эпосе, хак. *хара* 'черный': *хара хусхун* 'черный ворон', *хара сеек чили* 'черные мухи', *хара түлгү* 'черная лисица', *хара адай* 'черная собака', *хара адай* 'черная сучка'.

3. «Цветообозначение + существительные, называющие людей и их внешность»: в олонхо, як. *хара* 'черный': *Хара Мэнгириэн эмээхсин* 'Хара Мэнгирен старуха', *Суодал бэкир хара, соботох собоох хара атаах* 'нога-ступа чёрная', *хара түөкүн* 'разбойник', *хара бэкир киһи* 'черный человек'; в алтайском эпосе, алт. *кара* 'черный': *Кара Баатыр*.

В первой группе «цветообозначение + существительные, называющие предметы» включено 41 словосочетание, из них сочетания с прямыми номинативными значениями «черный» – 23 (в олонхо – 10, в алтайском эпосе – 7, в хакасском эпосе – 6); сочетания с прямыми номинативными значениями «темный» – 18 (в олонхо – 10, в алтайском эпосе – 5, в хакасском эпосе – 3).

Цветообозначение «черный» сочетаясь с существительными як. *көмөрө* 'уголь', як. *өһөх хаан* 'сгустками крови', як. *намыт* 'туча' усиливают значение «черный», т. к. субъекты могут иметь только черный цвет. В остальных примерах цветообозначение «черный» имеет прямое номинативное значение. В некоторых случаях цветообозначение «черный» несет прямое номинативное значение «темный». В отличие от хакасского и алтайского эпосов в якутском олонхо значение «темный» является неизменным атрибутом Нижнего мира и его обитателей. Например: *хара аартык* 'узкий темный проход', *Ньүкэн хара улуустарын* 'страны тёмная', *хара кункус сыттаах* 'темный, смрадный', *хара тыын* 'темные души'. Универсальная особенность эпических текстов – прямое значение «темный» используется в описании окружающей природы. Например, лес: як. *эргэнэ хара тыалар* 'леса в тёмном бору', алт. *кара тайгадын* 'черная тайга'. В данном случае цветообозначение «черный» характеризует лес как «дремучий, густой, тесный, без света»; вода: як. *хара байбал* 'черное море', як. *хара далай* 'черные воды', алт. *кара көлдө* 'черное озеро', хак. *хара сугларын* 'черные реки'.

Помимо прямого номинативного значения, цветообозначение «черный» реализует переносное значение. В данной подгруппе на первый план выдвигается нецветовое контекстуальное значение. В подгруппе «переносное значение “зловещий”» включены: из якутского олонхо *хара дьай халаатаабыт* 'зло чёрное поселилось', из хакасского эпоса *хара сагысыг* 'черный умысел'. Следует отметить, что в данных примерах изображается негатив, зло. В подгруппе «переносного значение “кровавый”» включены словосочетания: из олонхо *хааннаах хара болот* 'черный меч кровавый', *хааннаах хара бурут* 'кровавым ядовитым канатом-верёвкой скользким'; из алтайского эпоса *кара жыдазы* 'черное копьё'. Можно предположить, что як. *хааннаах болот* 'кровавый меч', як. *хааннаах бурут* 'кровавая веревка' характеризуются черным цветообозначением из-за крови. Таким образом, подразумевается, что алт. *кара жыдазы* 'черное копьё' может быть кровавым. В подгруппе «переносное значение “грязный”» включены словосочетания: як. *хара тынгырах* 'грязные ногти', як. *дэгиэ хара тиһэ килэнни* 'острые зубы черные выставляя'. В данных примерах цветообозначение «черный» употребляется в переносном смысле и показывает, что речь идет о грязных до черноты ногтях и зубах.

Во второй группе «цветообозначение + существительные, называющие животных и птиц» включено 18 словосочетаний: 8 из олонхо, 5 из хакасского эпоса и 5 из алтайского эпоса. В данную тематическую группу животных и птиц прилагательное *хара* может синтезировать сразу два номинативных значения – «черный цвет» и «темный». Первое значение «черный цвет» реализует в сочетании с существительными: из олонхо: *хара саһыл* 'лиса-чернобурка', *хара сүөһү* 'скот бурый', *үрүн-хара түүлээх* 'с белой-чёрной шерстью', *хара маҕаас оҕус* 'шкурой пегих быков', *хара суор* 'черный ворон', *хара наанабай ынахтар* 'черных коров низеньких',

хара улар ‘черный глухарь’; из алтайского эпоса: *кара бажым* ‘черный ворон’, *кара ийттү* ‘черный пес’; из хакасского эпоса: *хара хусхун* ‘черный ворон’, *хара сеек* ‘черные мухи’, *хара түлгү* ‘черная лисица’, *хара адай* ‘черная собака’, *хара адай* ‘черная сучка’. Следует отметить, что во всех рассмотренных эпических текстах присутствует «черный ворон». Черный ворон в фольклоре многих народов имеет символические коннотации. Зловещая символика ворона подтверждается следующими примерами, в олонхо:

Халахтаан көтөр
Хара суор курдук
Халбаһа уот долгунга
Хап төбөтүн оройунан
Хараарыс гынан хаалла [14, с. 411].

Словно ворон чёрный,
По небу летящей,
Криком своим тревожа,
В моря огненном валу
Вниз головой нырнул [14, с. 412].

В алтайском эпосе:

«*Кускун* болгон *кара* бажым,
О, кудай, кажайкалтыр.
Кадышкынды катү тижим,
Куубудактый, арсайкалтыр» [16, с. 308].

«Волосы мои, как **черный ворон**,
О, кудай, побелели, оказывается,
Твердые, как кадышкин, мои зубы
Будто сухие ветки торчат, оказывается»
[16, с. 309].

В хакасском эпосе:

Иди көр турганда,
Адайлар мухыраса түскен,
Хустын табырагы хара хусхуннар
Хурхылаза түскеннер [15, с. 116].

Когда он так смотрел,
Сонные собаки залаяли,
Самые быстрокрылые из птиц **черные вороны**,
Переключаясь, закаркали [15, с. 117].

В остальных примерах цветообозначение «черный» при сочетании с существительными як. *тиин* ‘белка’, алт. *камдулардын* ‘выдра’, *мүркүт* ‘беркут’ употребляется в значении «темный».

В последнюю группу «**цветообозначение + существительные, называющие людей, их внешность**» включены словосочетания из олонхо и алтайского эпоса. Стоит отметить, что все они – существительные, называющие отрицательных героев. В эпических текстах данных народов во многих именах отрицательных героев присутствует цветообозначение «черный», т. к. во многих культурах оно символизирует несчастье, печаль и горе.

Заключение

При сопоставлении ахроматических цветообозначений вскрываются сходства и различия лексики разных языков. Белый цвет занимает центральное место как по числу определяемых существительных, так и по количеству лексико-семантических вариантов, реализуемых в тех и других текстах. В сопоставляемых текстах для цветообозначения «белый» универсальными значениями являются: 1) сочетания с прямыми номинативными значениями, 2) переносное значение «лучший», 3) переносное значение «священный», 4) переносное значение «чистый», 5) цветообозначение «белый» с существительным, называющим животное. Данные совпадающие значения показывают, что познание действительности данных народов имеет общий, интернациональный характер. Идиоэтническое заключается в том, что только в якутском олонхо имеется сочетание цветообозначения «белый» с существительным, называющим людей и их внешность. Также стоит отметить, что в сопоставляемых эпических текстах наблюдается использование цветообозначения «белый» в переносном значении «волшебный», который отсутствует в олонхо.

Цветообозначение «черный», также как и «белый», относится к центру фольклорного цветового поля. В сопоставляемых текстах универсальными для прилагательного «черный» являются следующие значения и определяемые ими существительные: 1) прямое номинативное

значение «темный», 2) переносное значение «зловещий», 3) переносное значение «кровавый», 4) «цветообозначение + существительные, называющие животных и птиц», «цветообозначение + существительные, называющие людей и их внешность». Данный анализ показывает, что в сознании якутов, алтайцев, хакасов черный цвет устойчиво ассоциируется со всем негативным и злым. Характерными только для якутского олонхо являются лексико-семантические варианты, реализующие переносное значение «грязный».

Стоит отметить, что различия при совпадении лексико-семантических вариантов зависят от особенностей мировидения разных народов, т. к. языкам соответствует своя особая организация данных опыта [17, с. 408], также в разных языках одинаковый смысл обозначаются неодинаковыми словами [18, с. 73].

Литература

1. Перехвальская Е. В. Этнолингвистика : учебник для академического бакалавриата. – Москва : Юрайт, 2018. – 351 с.
2. Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. – Москва : ГРВЛ, 1988. – 200 с.
3. Слепцов П. А. Якутский литературный язык : формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-е, 1990. – 273 с.
4. Оссоевский И. А. Лексика современных русских народных говоров. – Москва : Наука, 1982. – 198 с.
5. Хроленко А. Т. Лексика русской народной поэзии. – Курск : Изд-во Курского гос. ун-та, 1976. – 64 с.
6. Павлюченкова Т. А. Прилагательные со значением цвета в языке русских былин : дисс. ... к. филол. н. – Москва, 1984. – 195 с.
7. Никулина Т. Е. Цветовые прилагательные в языке различных жанров русского фольклора : автореф. дисс. ... к. филол. н. – Москва, 1989. – 16 с.
8. Габышева Л. Л. Пространственно-временная лексика и цветовая метафора в текстах олонхо // Язык - миф - культура народов Сибири. – Якутск : ЯГУ, 1994. – С. 3-23.
9. Башарина А. К. Семантика цветообозначений в фольклорных текстах (опыт сопоставительного анализа на материале якутских олонхо и русских былин) : дисс. ... к. филол. н. – Москва, 2000. – 207 с.
10. Ахманова О. С. Рецензия на книгу «On Translation» Ed. R. Brower Cambridge // Вопросы языкознания. – 1960. – № 3. – С. 35.
11. Пухов И. В. Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо. – Якутск : Изд-во СО РАН. Якутский филиал, 2004. – 328 с.
12. Древнетюркский словарь / Ред. Н. А. Никитина, Н. П. Рычкова. – Ленинград : Наука, 1969. – 676 с.
13. Хроленко А. Т. Коннотативный аспект фольклорного слова // Вопросы семантики : межвуз. сб. / Отв. ред. А. И. Дубяго. – Калининград : КГУ, 1984. – С. 89-95.
14. Ядрихинский П. П. Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр = Девушка-богатырь Джьырыбына Джьырылыатта : олонхо. – Якутск : Сайдам, 2011. – 448 с. (На якутском и русс. яз.).
15. Хакасский героический эпос : Ай-Хуучин / Вступ. ст., примеч. и коммент. В. Е. Майногашевой. – Новосибирск : Наука, 1997. – 479 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ; Т. 16). (На хакасском и русс. яз.).
16. Алтайские богатыри / Министерство образования, науки и молодежной политики Республики Алтай ; БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им С. С. Суразакова». – Горно-Алтайск : Горно-Алт. тип., 2013. – 437 с. (На алтайском и русс. яз.).
17. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3 / Сост., ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. – Москва : Изд-во иностр. лит-ры, 1963. – С. 366-566.
18. Морковкин В. В. Идеографические словари и обучение языку // Вопросы учебной лексикографии : сб. ст. / Под ред. П. Н. Денисова, Л. А. Новикова. – Москва : Изд-во МГУ, 1969. – С. 72-92.

References

1. Perekhval'skaya E. V. *Etnolingvistika: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata* [Ethnolinguistic: textbook for academic bachelor]. Moscow, Yurait, 2018, 351 p. (In Russ.).

2. Zhukovskaya N. L. *Kategorii i simbolika traditsionnoi kul'tury mongolov* [Category and symbolism of Mongol traditional culture]. Moscow, GRVL, 1988, 200 p. (In Russ.).
3. Sleptsov P. A. *Yakutskii literaturnyi yazyk: formirovanie i razvitie obshchenatsional'nykh norm* [Yakut literature language: formation and development of nationwide norms]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-e, 1990, 273 p. (In Russ.).
4. Ossovetskii I. A. *Leksika sovremennykh russkikh narodnykh govorov* [Vocabulary of modern Russian folk dialects]. Moscow, Nauka, 1982, 198 p. (In Russ.).
5. Khrolenko A. T. *Leksika russkoi narodnoi poezii* [Vocabulary of Russian folk poetry]. Kursk, Izd-vo Kurskogo gos. un-ta, 1976, 64 p. (In Russ.).
6. Pavlyuchenkova T. A. *Prilagatel'nye so znacheniem tsveta v yazyke russkikh bylin* [Adjectives with color meaning in language of Russian bylinas]. Diss. ... k. filol. n. Moscow, 1984, 195 p. (In Russ.).
7. Nikulina T. E. *Tsvetovye prilagatel'nye v yazyke razlichnykh zhanrov russkogo fol'klora* [Color adjectives in language of various genres of Russian folklore]. Avtoref. diss. ... k. filol. n. Moscow, 1989, 16 p. (In Russ.).
8. Gabysheva L. L. *Prostranstvenno-vremennaya leksika i tsvetovaya metafora v tekstakh olonkho* [Space-time vocabulary and color metaphor in olonkho texts]. In: *Yazyk - mif - kul'tura narodov Sibiri* [Language - myth - culture of the peoples of Siberia]. Yakutsk, YaGU, 1994, pp. 3-23. (In Russ.).
9. Basharina A. K. *Semantika tsvetooboznachenii v fol'klornykh tekstakh (opyt sopostavitel'nogo analiza na materiale yakutskikh olonkho i russkikh bylin)* [Semantics of color formation in folklore texts (experience contrastive analysis a case study of Yakut olonkho and Russian bylinas)]. Diss. ... k. filol. n. Moscow, 2000, 207 p. (In Russ.).
10. Akhmanova O. S. *Retsenziya na knigu "On Translation" Ed. R. Brower Cambridge* [Review on the book "On Translation" Ed. R. Brower Cambridge]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Philology questions]. 1960, No. 3, p. 35. (In Russ.).
11. Pukhov I. V. *Geroicheskii epos altae-sayanskikh narodov i yakutskie olonkho* [Heroic epic of Altai-Sayan peoples and Yakut olonkho]. Yakutsk, Izd-vo SO RAN. Yakutskii filial, 2004, 328 p. (In Russ.).
12. *Drevnetyurkskii slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Red. N. A. Nikitina, N. P. Rychkova. Leningrad, Nauka, 1969, 676 p. (In Russ.).
13. Khrolenko A. T. *Konnotativnyi aspekt fol'klornogo slova* [Connotative aspect of folklore word]. In: *Voprosy semantiki: mezhevuz. sb.* [Semantics questions: interuniversity collection]. Otv. red. A. I. Dubyago. Kaliningrad, KGU, 1984, pp. 89-95. (In Russ.).
14. Yadrinskii P. P. *D'zhyrybna D'zhyryatta kyys bukhattyar = Devushka-bogatyar D'zhyrybna D'zhyryatta: olonkho* [The woman-warrior Dzhirybna Dzhiryatta: olonkho]. Yakutsk, Saidam, 2011, 448 p. (Yakut and Russ.).
15. *Khakasskii geroicheskii epos: Ai Khuuchin* [Khakas heroic epic: Ai-Khuuchin]. Vstup. st., primech. i komment. V. E. Mainogashevoi. Novosibirsk, Nauka, 1997, 479 p. (*Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 16* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; vol. 16]). (In Khakas and Russ.).
16. *Altaiskie bogatyri* [Altay bogatyrs]. Ministerstvo obrazovaniya, nauki i molodezhnoi politiki Respubliki Altai; BNU RA "Nauchno-issledovatel'skii institut altaistiki im S. S. Surazakova". Gorno-Altai, Gorno-Alt. tip., 2013, 437 p. (In Altai and Russ.).
17. Martine A. *Osnovy obshchei lingvistiki* [Basics of general linguistics]. In: *Novoe v lingvistike. Vyp. 3* [New in linguistics. Iss. 3]. Sost., red. i vstup. st. V. A. Zvegintseva. Moscow, Izd-vo inostr. lit-ry, 1963, pp. 366-566. (In Russ.).
18. Morkovkin V. V. *Ideograficheskie slovari i obuchenie yazyku* [Ideographic dictionary and language learning]. In: *Voprosy uchebnoi leksikografii: sb. st.* [Questions of training lexicography: articles collection]. Pod red. P. N. Denisova, L. A. Novikova. Moscow, Izd-vo MGU, 1969, pp. 72-92. (In Russ.).